

Херасков Михаил Матвеевич

Россияда, поэма эпическая

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
М69

М69 **Михаил Матвеевич Х.**
Россияда, поэма эпическая / Херасков Михаил Матвеевич – М.: Книга по Требованию,
2023. – 288 с.

ISBN 978-5-521-29105-2

ISBN 978-5-521-29105-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Иностранные писатели, сложившіе иждѣ нелѣпныя басни о его суровости, при всемъ томъ по многимъ знаменитымъ его дѣламъ великимъ мужемъ его нарицають. Самъ *ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ* за честь поспавлялъ въ мудрыхъ предпріятіяхъ сему Государю послѣдовать. Исторія затмѣваетъ сіяніе его славы нѣкоторыми ужасными повѣствованіями, до крупнаго нрава его относящимися: вѣришь ли толь несвойственнымъ великому духу повѣствованіямъ, оставляю Историкамъ на размышленіе. Впрочемъ безмѣрныя Царскія спротоспи, по которымъ онъ Грознымъ проименованъ, ни до намѣренія моего, ни до времени, содержащемъ въ себѣ цѣлый кругъ моего сочиненія, вовсе не касаются.

Воспѣвая разрушеніе Казанскаго царства, со властію державцевъ Ордынскихъ, я имѣю въ виду успокоеніе, славу и благосостояніе всего Россійскаго государства; знаменитые подвиги не только одного Государя, но всего Россійскаго воинства; и возвращенное благоденствіе не одной особѣ, но цѣлому отечеству: по чему сіе твореніе и *Россіядой* названо. Представляю младаго Монарха, лаврами славы увѣнчанаго; сего Монарха, о которомъ и Г. Ломоносовъ въ краткой Россійской Лѣтописи утверждаетъ, что сей Царь уже по смерти первой своей супруги Грознымъ учинился, и что неустройства боярѣ, на подобіе крутой бури, нравы его возмутили; чему должно было приключиться гораздо послѣ взятія Казани. Прославляю совокупно съ Царемъ вѣрность и любовь къ отечеству служившихъ ему Князей, его вельможей и всего Россійскаго воинства. Важно ли сіе приключеніе въ Россійской исторіи? Истинные сыны отечества, обозрѣвъ умомъ бѣдственное тогдашнее Россіи состояніе, сами почувствовать могутъ, достойно ли оно Епопеи? Моя Поэма сіе оправдать долженствуетъ.

Из-

Издавая въ свѣтъ сей осьмилѣтній мой трудъ, нынѣ вновь исправленный и во многихъ мѣстахъ дополненный, чувствую несовершенство и недостатки онаго, въ сравненіи съ другими Эпическими Поэмами. Слабо сіе сочиненіе, но оно есть первое на нашемъ языкѣ; а сіе самое и заслуживаетъ нѣкоторое извиненіе Писателю.

Повѣствовательное сіе твореніе разположилъ я на Исторической истинѣ, сколько могъ сыскать печатныхъ и письменныхъ извѣстій, къ моему намѣренію принадлежащихъ; присовокупивъ къ тому небольшіе анекдоты, доставленные мнѣ изъ Казани бывшимъ Начальникомъ Университетскихъ Гимназій въ 1770 году. Но да памятують мои Читатели, что какъ въ Эпической Поэмѣ вѣрности исторической, такъ въ лѣтописаніяхъ Поэмы искать не возможно. Многое отмечалъ я, переносилъ изъ одного времени въ другое, изобрѣталъ, украшалъ, пворилъ и созидалъ. Успѣлъ ли я въ предпріятіи моемъ, о томъ не мнѣ судить; но то неоприятельно, что Эпическія Поэмы, имѣющія въ виду своемъ иногда особливые намѣренія, всегда по шаковымъ, какъ сія, правиламъ сочиняются.

П О Г Р Ъ Ш Н О С Т И.

Напечатано

читай.

Страницы.

строки.

8	28	попухлый	потусклый
66	10	касались	казались
123	27	эришь	эришь
136	11	возникнувЪ,	возникнувЪ
138	33	мечь Морозова	мечь печаль Морозова
151	23	являя	вращая
152	24	песхи	пески
164	29	самолчалЪ	замолчалЪ
183	10	развратомЪ онЪ	безбожіемЪ
185	29	бремененЪ	бременемЪ
194	11	свершителъ казни	свершителъ казни,
229	34	редЪ	предЪ
244	21	коль	конъ
272	9	биреры	бисеры
—	13	полкЪ	полЪ

РОССІЯДА, ЭПИЧЕСКАЯ ПОЭМА.

ПѢСНЬ ПЕРВАЯ.

Пою отъ варваровъ Россію свободенну,
Попранну власть Тамаръ и гордость униженну,
Движенъе рашное, шруды, кроваву брань,
Россіи поржество, разрушенну Казань.
Отъ круга сихъ времянь спокойныхъ лѣтъ начало,
Какъ свѣтлая заря въ Россіи возсіяло.

О пы, летающій превыше свѣтлыхъ звѣздъ,
Стихотворенья духъ! приди отъ горнихъ мѣстъ,
На слабое мое и темное творенье,
Пролей твои лучи, искусство, озаренье!

Отверзи, вѣчность! мнѣ, селеній щѣхъ врага,
Гдѣ вся отвержена земная суета;

А

Гдѣ

Гдѣ души праведныхъ награду обрѣшаютъ,
 Гдѣ гордости похвалѣ льстецы не соплетаютъ;
 Передъ усыпаннымъ звѣздами олшаремъ,
 Гдѣ рядомъ предстоитъ послѣдній рабъ съ Царемъ;
 Гдѣ бѣдный нищету, гдѣ сильный власть забудетъ,
 Гдѣ каждый человѣкъ другому равенъ будетъ.
 Откройся вѣчность мнѣ, да лирою моею
 Вниманье привлеку народовъ и Царей.
 Завѣса поднялась! . . . Сіяютъ предъ очами
 Герои, свѣтлыми увѣнчанны лучами.
 Отъ сихъ кровавая Казанская луна
 Низвергнуша во мракъ и славы лишена.
 О вы, ликующіе теперь въ мѣстахъ небесныхъ!
 Во прежнихъ видахъ мнѣ явитесь тѣлесныхъ.

Еще восточную Россіи древней часть
 Заволжскихъ наглыхъ Ордъ обременяла власть;
 На нашихъ плѣнникахъ гремѣли шамъ оковы,
 Киѣли мяшежи, росли злодѣйства новы;
 Простерся блѣдный страхъ по селамъ и градамъ;
 Текла за злошью злость, бѣды во слѣдѣ бѣдамъ;
 Куреній олшари во храмахъ не имѣли,
 Умолкло пѣніе, лишь бури шамъ шумѣли;
 Безъ дѣйства въ полѣ плугъ подъ тернами лежалъ,
 И пасырь въ темный лѣсъ отъ стада убѣжалъ.
 Когда свѣсило дня къ полунощи взираетъ,
 Окровавленную Россію обрѣшаетъ.
 Отпюрженная дщерь отъ матери Казань,
 Изъ томныхъ рукъ ея брала позорну дань;
 Сей градъ, Россійскими врагами сруженный,
 На полночь гордою горою возвышенный,
 Поднявъ главу свою, при двухъ рѣкахъ споитъ,
 Отколѣ на берега шумящей Волги зрѣитъ.
 Подъ тѣнію лѣсовъ, межъ песпырыми цѣзми
 Поспавленъ Башыемъ ко сѣверу врагами,

Чрезъ

Чрезъ кои въ сердце онѣ Россіи прибѣгалъ,
Селенія пустошилъ и грады пожигалъ.
Съ вершины видя горѣ убійства и пожары,
Гдѣ жили древніе Россійскіе Болгары,
Разженны върою къ закону своему;
Казань, поверженна въ Махометанску пѣму,
Въ слезахъ на синій дымъ, на заревы взирала,
И руки чрезъ поля въ Россію проспирала:
Просила помощи и свѣта оцѣ Князей,
Когда злочестіе сгущало мраки въ ней.
Подвигнушы къ спранамъ природнымъ сожалѣніемъ,
Народа своего бѣдами и помянемъ,
На части полночь всю разшоргише Князья,
Смиряли наглыхъ Ордѣ, во браняхъ кровь лія.

Но какъ Россійскіе Ираклы ни сражались,
Главы у гидры злой всечасно вновь рождались,
И жалы опростивъ въ глухихъ мѣстахъ свои,
Вползали паки въ грудь Россіи тѣ зміи.
Драконова глава лежала сокрушенна,
Но древня злоба въ немъ была не попушенна;
Подъ пепломъ крылся огнь и часно возгаралъ,
Какъ въ смутны Россамъ дни онѣ силы собиралъ;
Неукротимыхъ Ордѣ воскресла власть попрадна,
Во время юности впораго Іоанна;
Сей дѣда храбраго вѣнчанный славой внукъ;
Едва не выпустилъ Казань изъ слабыхъ рукъ;
Смутился духъ его нещасливымъ походомъ,
Гдѣ онѣ началъ шествовалъ передъ минувшимъ годомъ;
Гдѣ самъ Борей воздвигъ прошиву Россовъ брань,
Крилами мерзлыми опѣ нихъ закрывъ Казань;
Онѣ мрачной тучею и бурями облекся,
Кидая градъ и дождь, разрушилъ грады пекся;
Въ глухой степи шумѣлъ, въ лѣсу дремучемъ вылъ,
Крушился между горъ, онѣ рвалъ, шумѣлъ, валилъ,

И Волжскія струи погнавъ на стучны бреги,
Подулъ изъ хладныхъ устъ мятель, морозы, снѣги;
Ихъ пламенная кровь не спала Россовъ грѣшъ,
Дабы въ наставшій годъ жарчае воскипѣшъ.

Въ то время юный Царь въ столицу уклонился,
Гдѣ вмѣсто гласа трубъ забавами плѣнился.
О пы, на небесахъ живущій въ пишинѣ!
Прости великій Царь мою опважность мнѣ,
Что утро дней пвоихъ во лѣтѣ дерзну представить,
Пресвѣшлый полдень пвой пѣмъ громче буду славить;
Великъ, что бурю пы вокругъ царства укротилъ,
Но болѣе, что волнамъ душевнымъ воспретилъ.

Увидѣвъ, что Москва опринувъ мечъ уснула,
Трепещуща луна изъ облакъ проглянула;
Храняща ненависянь недремлющи глаза,
Отъ Волги поднялась какъ спрашная гроза;
Орда, опвергнувъ миръ, оковы разрывала,
Опмщеньемъ подвижна, мушила, бунтовала,
И спала воздымашъ главу и рамена,
Россію утѣсняшъ, какъ въ прежни времена.
Сей спрашный исполинь въ Россійски грады входилъ,
Убійства, грабежи, насильства производилъ;
Рукою мечъ несешъ, другой звучащу цѣпъ,
Валялся стѣны вокругъ, вздыхающъ дѣсь и сѣнь.
Уже велѣніемъ коварныя Сумбеки,
Въ Казанѣ полились Россійской крови рѣки;
И пламенникъ нося неукропимо зло,
Посады въ ярости Московскіе пожгло;
Въ жилища Христіянъ съ кинжаломъ казнъ вспушила,
И кровь спрадальческа на небо воззопила;
Тамъ плачь, уныніе, сиротствующихъ стонъ;
Но ихъ отечество сей вопль вмѣняло въ сонъ

Алчба, прикованна корыстей къ колесницѣ,
Въ Россійской сѣяла уныніе столицѣ;

О благѣ собственномъ вельможи гдѣ рачашъ,
Тамъ пользы общія законы замолчашъ;
Москва, разима погѣбелію внѣшней,
Ошъ скорбей внутреннихъ являлась безупѣшной.

Сокрылась испинна на время отъ Царя;
Лукавство, честь поправъ, на собственность смотря,
Въ лицѣ усердія въ черпogaхъ появилось,
Вошло и день отъ дня сильнѣе становилось.

Тамъ лестъ явилася въ прищворной красотѣ,
Котора во своей природной наготѣ,
Мрачна какъ ночь, робка, покорна, тороплива,
Предъ сильными низка, предъ низкимъ горделива,
Лежащая у ногъ владѣтелей земныхъ,
Дабы служити имъ ко препикновенью ихъ.
Сія природну желчь преобративъ во сладость,
Въ забавы вовлекла неосторожну младость;
Вельможи, выгодѣ ревнуящи своей,
Соединилися къ спыду державы съ ней;
И лестъ надежныя подпоры получила;
Отъ Царскаго лица невинность оплучила.
Гонима искренность стрѣлами клеветы,
Чшо дѣлала тогда? Въ пещеры скрылась ты!

Во смутны времена еще вельможи были,
Которые свое опечество любили;
Соблазны щастія они пренебрегли,
При общей гибели не плакать не могли;
Священнымъ двигнушы и долгомъ и закономъ,
Спенать и сѣтовать дерзали передъ прономъ;
Пороковъ торжествво, поправну правду зря,
Отъ лести ограждашъ осмѣлились Царя.
Вельможи въ сѣдинахъ Монарха окружающъ,
Ихъ слезы общую напастъ изображающъ;
Популенны главы, ихъ взоры, ихъ сердца,
Казалось, шуманъ простерли вокругъ вѣнца;

На томныхъ ихъ челахъ сіяетъ добродѣтель,
Въ которыхъ свой позоръ прочесть бы могъ владѣтель.
Духъ бодрости въ тебѣ, вѣщаютъ, воздремалъ!
Но Царь, то зная самъ, ихъ плачу не внималъ.

Унылъ преспоольный градъ, Москва главу склонила,
Печаль ея лице, какъ ночь пріосѣнила;
Вселилась въ сердце грусть и жалоба въ уста,
Тоскуютъ вкругъ нее прекрасныя мѣста;
И горестъ, разпрепавъ власы, по граду ходишь,
Потупивъ очи внизъ, опчаянъе наводишь,
Біетъ себя во грудь, рѣками слезы льетъ,
На спогнахъ торжества, въ домахъ отрады нѣтъ;
Въ дубравахъ темнопа, печаль въ долинахъ злчныхъ,
Во градъ скопища, не слышно пѣсней брачныхъ;
Все въ ризу облеклось тоски и сиротства,
Единый слышенъ вопль во храмахъ Божества.
Грызмая внутри болѣзнью всеминутной,
Являлася Москва водѣ подобна мушной,
Которая, лишась движенія и прохлады,
Тускнѣетъ, портился и зараждаетъ ядъ.
Народъ опчаянный, гонимый, утомленный,
Какъ будто въ Эпиѣ огонь отъ вихрей воспаленный,
Лѣсистые холмы, густыя дресва,
Съ поверхности горы бросаетъ въ небеса.
Народъ возволновалъ! Тогда при буйствѣ яромъ,
Отъ искры наглый бунтъ великимъ сталъ пожаромъ;
По спогнамъ разлился, на торжищахъ горитъ,
И заревы Москва плачевныхъ слѣдствій зримъ.
Противу злыхъ вельможъ мятежники возпали,
Которы спрогоетъ Царевы подгнѣтали,
Которы душу въ немъ спарались возмущать,
Дабы при бурѣ сей Россію разхищать.
Два Князя Глинскія смятенія жертвой были,
Единаго изъ нихъ мятежники убили;

Дру-